

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЮ

А. С. Усачев

ОБРАЗ ЦАРЯ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ

В последнее десятилетие отечественная историческая наука претерпела ряд существенных изменений, которые позволяют говорить об усилении тенденций к глубинной трансформации российской историографии. В 1990-е годы историческое знание в России утрачивает ряд присущих советской традиции черт — значительной степени идеологизации гуманитарного знания, примата материалистического миропонимания в историческом исследовании, господствующее положение формационного подхода и т. д. Данные изменения нередко трактуются как кризис советской историографии, познавательный потенциал которой и ее научный статус скептики склонны ставить под сомнение¹. Это в свою очередь ставит проблему изучения познавательных возможностей традиции, господствующей в отечественной исторической науке большей части XX в., — советской.

Решение поставленной проблемы может быть достигнуто посредством изучения освещения в советской историографии исторической темы, которая также рассматривалась в предшествующей ей традиции — дореволюционной и последующей — современной. Среди подобных тем можно выделить проблему восприятия фигуры носителя верховной власти в средневековой Руси, изучением которой отмечены основные традиции отечественной исторической науки.

Транслируемое В. Н. Татищевым, М. М. Щербатовым и особенно Н. М. Карамзиным представление о монархическом государстве как о «палладиуме» русской истории, уходящее своими истоками еще к эпистолярному наследию Грозного, в модернизированном виде прошло через всю российскую историографию XIX в. Особое звучание тезис о неизбежности развития России по пути укрепления монархической государственности получил в работах представителей историко-юридической школы, прежде всего ее старшего поколения — К. Д. Кавелина, С. М. Соловьева и Б. Н. Чичерина². Это обуславливалось усвоением отечественной историографией представления о неизбежности прогресса сначала в гегельянской, а затем позитивистской трактовке, помещенного в социально-политическую плоскость.

На этой основе и велось изучение фигуры носителя верховной власти на средневековой Руси. Царь, как правило, рассматривался в системе его взаимоотношений с боярством, которое изображалось скорее как окружение монарха, нежели как особая социальная группа³. При этом подчеркивал-

¹ Подробнее см.: Советская историография / Отв. ред. Ю. Н. Афанасьев. М., 1996.

² См.: Чичерин Б. Н. Опыт по истории русского права. М., 1858.; Кавелин К. Д. Взгляд на юридический быт древней России / Собр. соч. Т. 1. СПб., 1897.; Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 5—6. М., 1960.

³ Особенно отчетливо подобная трактовка проявилась в «Боярской думе Древней Руси» В. О. Ключевского.

ся прогрессивный характер самодержавных устремлений московских государей (особенно Ивана III, Василия III и Ивана IV), направленных против осколка родового быта — косного боярства (особенно в трудах представителей старшего поколения историко-юридической школы). Впрочем, борьба с боярством нередко представлялась и как борьба против лиц, а не против порядка⁴, что было закономерно в русле представления о боярстве как об окружении государя.

В советской исторической науке в трактовке роли царя в средневековой Руси произошли существенные изменения. Достигнуто это было прежде всего посредством помещения изучения в иной контекст — социально-экономический. Смещение акцентов, в числе причин которого были и соображения идеологического порядка, значительно трансформировало проблемное поле отечественной медиэвистики, поставив ранее не поднимаемые или слабо освещаемые в историографии вопросы. Самое пристальное внимание стало уделяться связи между социально-экономическими интересами представителей определенных социальных групп и их деятельностью. Более того, эта связь была возведена в абсолют, превратившись в единственно возможную мотивацию деятельности средневекового человека. Как же это выглядело в конкретных исторических исследованиях?

Представление об оппозиционной сущности взаимоотношений государя и боярства, привлекательное для понимания истории в русле борьбы противоположностей, было позаимствовано советской историографией, которая, однако, наполнила его новым содержанием. Царь на Руси теперь стал рассматриваться не как самоценная фигура, отражающая лишь собственные интересы, а прежде всего как защитник интересов определенных социальных групп. Понятно, что при этом внеклассовая теория самодержавия, разрабатываемая дореволюционной историографией, стала объектом самой резкой критики⁵.

Огромную роль для изучения царя в средневековой Руси сыграло обусловленное в значительной мере политическими причинами усвоение теории пяти формаций, каждая из которых обладала четко очерченным набором экономических, социально-политических и культурных характеристик. Помещение отечественного историографического полотна в пятичленную периодизацию мировой истории, предпринятое в 20—30-е годы, сообщило данной традиции в восприятии царской власти на Руси дополнительный колорит. Так, периоду позднего феодализма, в который был помещен интересующий нас XVI в., в марксистском прочтении мировой истории должна была соответствовать особая форма верховной власти — абсолютизм. Как отмечал В. В. Мавродин, «образование сильного государства в условиях того времени возможно было лишь как создание государства со складывающейся самодержавной властью во главе»⁶. Понятно, что все факторы, способные, как казалось, затормозить и поколебать торжество абсолютной монархии в России, были помещены в разряд реакционных. Неудивительно поэтому, что верхний этаж московской аристократии, обретшей классовые черты, в отличие от дореволюционной трактовки ее как окружения монарха, был помещен в ряд тормозящих поступательное развитие факторов. Так, для историографии 1940 — начала 50-х г. характерно следующее определение боярства: «Бояре-княжата в своих вотчинах чувствовали еще себя по-прежнему удельными князьями, неограниченными владыками. Воротынские, Одоевские, Шуйские и др. “были в своих уделах и велия отчины под собой имели”. В вотчинах бояр-княжат жила многочисленная дворня, слуги, стояли укрепленные острожки, собирались целые рати. Носители традиций феодальной раздробленности — бояре-княжата препятствовали усилению самодержавной власти и централизации государства»⁷.

⁴ Там же.

⁵ Особенно это проявилось в работах М. Н. Покровского (Откуда взялась внеклассовая теория развития русского самодержавия // Вестник социалистической академии. 1922. № 1; 1923. № 2, 4; Историческая наука и борьба классов (историографические очерки, критические статьи и заметки). Вып. 1—2. М.; Л., 1933).

⁶ Мавродин В. В. Образование единого русского государства. Л., 1951. С. 311.

⁷ Там же. С. 311.

В русле данной традиции следует признать классическим определение одного из крупнейших бояр эпохи: «Князю Ивану Федоровичу Мстиславскому, кроме Юхотской волости, принадлежало на юге два укрепленных города: Городенск на реке Веневе и Елифань с уездами. Это было целое небольшое государство. В одном Веневском стане Веневского уезда у Мстиславского было 524 крестьянских двора, около 10 тыс. гектаров пашни, не считая леса и сенокосов и деревень в других станах. В Елифанском уезде ему принадлежало более 30 тыс. гектаров пашни; в стрелецкой и казачьей слободах в городе Елифани было около 1000 дворов, в которых жили казаки и стрельцы, состоявшие на жаловании у князя Мстиславского. В двух своих городах он содержал на свой счет сильный гарнизон в несколько сот стрельцов и казаков; значительное число его “людей” служило ему “с земли”, т. е. за поместья. На него была возложена оборона южных границ»⁸.

Понятно, что подобный подход к изучению роли знати в процессе складывания централизованного государства наложил свой отпечаток на рассматриваемую познавательную конструкцию, основы которой советская историографическая традиция во многом унаследовала от предшествующей. Обрисовывая почти трагическую участь московских князей в окружении непокорных и заносчивых бояр⁹, представители рассматриваемой историографической традиции обращали внимание на необходимость самого энергичного противодействия сложившемуся (согласно представителям советской историографии) положению вещей.

Особое влияние на складывание данной историографической традиции оказало мнение И. В. Сталина о терроре, проводимом Иваном Грозным: «Царь Иван был великий и мудрый правитель... Иван Грозный был очень жестоким. Показывать, что он был жестоким, можно, но нужно показать, почему необходимо быть жестоким. Одна из ошибок Ивана Грозного состояла в том, что он не дорезал пять крупных феодальных семейств. Если он эти пять боярских семей уничтожил бы, то вообще не было бы Смутного времени». Определение «Ивана Грозного как прогрессивной силы своего времени и опричнины как его целесообразного инструмента»¹⁰, данное столь авторитетной (и не только в историографических кругах) фигурой во многом предопределило характер традиции изучения царской власти на средневековой Руси в советской исторической науке.

Одна из первых в советской историографии характеристик московских великих князей принадлежит Р. Ю. Випперу. Так, определяя Ивана III, заложившего основы Московского государства XVI в., как истинно великого правителя, автор помещает в один ряд с ним (по крайней мере, по широте замыслов и стремлений) его знаменитого внука. Грозный под пером В. Ю. Виппера обретает очертания вполне достойного продолжателя дела московских князей¹¹, которому, правда, не всегда везло:

⁸ Бахрушин С. В. «Избранная Рада» Ивана Грозного // Исторические записки. Т. 15. М., 1945. С. 47—48.

⁹ «В окружении могущественных феодалов, составлявших Думу, великий князь оставался “первым среди равных”. Ни одного крупного дела он не мог решить “без великого многого советования” с ними и должен был покорно выслушивать с их стороны противоречие и “поносные слова” и терпеть их “высокоумничанье” — см.: Бахрушин С. В. Иван Грозный // Научные труды. Т. 2. М., 1954. С. 261.

¹⁰ Цит. по: Кондаков И. В. Введение в историю русской культуры. М., 1997. С. 170—171. Подобное отношение к фигуре Грозного было провозглашено также в постановлении ЦК от 4.09.1946г. «О кинофильме “Большая жизнь”. В данном документе, исходящем от высшего руководства страны, главным недостатком в работе кинорежиссеров было объявлено недостаточное знакомство с освещаемым материалом т. е. с его официальной трактовкой. Так, отмечалось, что режиссер фильма “Иван Грозный” С. Эйзенштейн во второй серии “обнаружил невежество в изображении исторических фактов, представив прогрессивное войско опричников Ивана Грозного в виде шайки дегенератов, наподобие американского Ку-клукс-клана, а Ивана Грозного, человека с сильной волей и характером, — слабохарактерным и безвольным, чем-то вроде Гамлета» (См.: Большевик. 1946. № 16. С. 52).

¹¹ Как во многом справедливо заметил С. Ф. Платонов (Иван Грозный // Платонов С. Ф. Иван Грозный. Виппер Р. Ю. Иван Грозный. М., 1998. С. 29.) «книгу профессора Виппера можно назвать не только апологией Грозного, но его апофеозом. Выведенный из рамок национальной истории на всемирную арену, Грозный показался и на ней весьма крупным деятелем».

«Его вина и несчастье состояло в том, что, поставивши громадную цель превращения полуазиатской Москвы в европейскую державу, он не мог вовремя остановиться перед все возрастающим врагом, что он растратил и бросил в бездну истребления одну из величайших империй мировой истории. Опять-таки оправданием или объяснением этой невольной трагедии может служить его личная судьба: так же, как он быстро исчерпал средства своей державы, он вымотал и свой могучий организм, истратил свои таланты, свою нервную энергию»¹².

Неудачам Грозного в немалой степени способствовало и то, что «в Московском государстве высшие слои военно-служилого класса, соблазняемые примером соседей, были не прочь составить оппозицию монархии и ограничить ее в свою пользу»¹³. Ставя в центр рассмотрения внешнеполитические аспекты московской политики, внутривластные мероприятия Грозного автор склонен объяснять стремлением к удовлетворению прежде всего оборонных нужд страны — «власть организует все силы общества для войны ...». Неудивительно поэтому, что и опричина, рассматриваемая как прямое продолжение реформы 1550 г., трактуется как способ мобилизации служилого сословия в условиях напряженной внешнеполитической ситуации¹⁴.

Столь же апологитична оценка монарха и в работах И. И. Полосина. Рисуемый автором образ мудрого и дальновидного правителя¹⁵ подкреплялся представлением о принципиальном тождестве путей внутренней политики, направленной на укрепление личной власти самодержца, на Руси XVI в. и в ряде стран Европы (Польше ...). Не разделяя в классовом отношении земщину и опричину (это будет сделано позднее), И. И. Полосин определяет государство Ивана Грозного как дворянскую монархию, центром которой была опричина¹⁶. Иными словами, автор рассматривает внутривластные мероприятия Ивана IV как попытку отстранения феодальной знати от управления страной путем непосредственного вмешательства в дела управления посредством наделения государева двора более широкими властными полномочиями.

Во многом эталонной для рассматриваемого периода развития исторической науки представляется характеристика, данная Ивану IV С. В. Бахрушиным: «Страстный и увлекающийся, Иван Грозный упорно шел к намеченной цели: ломая на своем пути все преграды, беспощадно расправляясь со всеми противодействовавшими ему, он создал политическую силу, которая позволила русскому народу преодолеть грозившую ему извне опасность и выйти на широкое историческое поприще». Можно с полным основанием сказать, что в отечественной историографии 1940 — начала 50-х г. «Иван Грозный вырастает в величественную и мощную фигуру одного из крупнейших государственных деятелей русского прошлого»¹⁷.

Данная трактовка мероприятий Грозного (прежде всего опричины) несмотря на свою тенденциозность, обусловленную как научными, так и политическими причинами, представляла значительную новизну по сравнению с трактовкой политики Грозного в дореволюционной историографии.

¹² Виппер В. Ю. Иван Грозный. М., 1998. С. 202.

¹³ Там же. С. 113.

¹⁴ Как полагает В. Ю. Виппер (Иван Грозный. С. 156—165.) опричина была логическим продолжением реформы 1550 г. — так, если в 1550 г. земли получила лишь тысяча служилых вокруг Москвы, то с 1564 г. земли начинает получать большее количество служилого люда и не только под Москвой.

¹⁵ Так, автору объяснение многочисленных монастырских объездов Ивана IV богомольными устремлениями грешника на троне кажется неудовлетворительным. Согласно точке зрения И. И. Полосина, не стремление к искуплению грехов гнало Грозного в подчас самые удаленные монастыри, а забота об обороноспособности страны. Неудивительно поэтому, что маршруты монастырских объездов, совершаемых венценосным богомольцем, всякий раз совпадали с ростом напряженности на той или иной (крымской, литовской ...) окраине. Подробнее см. Полосин И. И. Социально-политическая история России XVI — начала XVII в. М., 1963. С. 73—111.

¹⁶ Там же. С. 184, 188, 190.

¹⁷ Бахрушин С. В. Иван Грозный в свете новейших исследований // Науч. труды. Т. 2. М., 1954. С. 361.

Как в значительной мере справедливо отмечал В. И. Пономарев, в исторической науке XIX в. «опричина рассматривается только как фактор укрепления московского самодержавия и государственной централизации», в силу того что «в концепциях старых (дореволюционных — А. У.) историков она чаще всего играет служебную роль». В советской же исторической науке была предпринята попытка рассмотреть опричину в более широкой ретроспективе — в контексте общеевропейских процессов централизации с учетом национальной специфики России. Поэтому и выделялся цельный «опричный» период правительственной политики Московских государей т. е. в работах 1940 — начала 1950-х г. опричина и централизации в значительной мере приобрели черты тождества¹⁸. При этом фигура творца этой политики — московского государя — приобретала прогрессивные черты.

Изменение в восприятии великокняжеской власти и ее носителей (и Грозного прежде всего) было вызвано, как это часто бывало в XX в., изменением политической конъюнктуры. В историографии начинают дублироваться некоторые из политических шагов новых лидеров страны. Так, почти сразу же после известного доклада руководителя партии и страны на XX съезде КПСС в Институте Истории С. М. Дубровским делается доклад «О культе личности в некоторых работах по истории (об оценке Ивана IV и других)», в котором подвергается самой резкой критике личность первого русского царя¹⁹. Несмотря на ряд критических замечаний, высказанных в адрес доклада (И. И. Смирновым и др.)²⁰, изменения политической ситуации существенным образом трансформировали историографическую традицию восприятия царской власти и боярства. Так, стали подвергаться критике исследователи, переоценившие роль личных качеств Ивана Грозного в проводимой им политике²¹, и начинает подниматься проблема более основательного изучения роли конкретных социальных групп в эпоху русского средневековья (например, роль народных масс в свержении ордынского ига²²)²³.

В центр изучения советской исторической науки помещается период образования и развития арены действия объективных закономерностей, избавленной от действия субъективного (в т. ч. и человеческого) фактора — Русское централизованное государство, созданное в результате «длительного процесса усложнения политической структуры, вызванного сдвигами в хозяйстве страны, в ее общественном строе, характере и размахе классово-борьбы»²⁴. С факторов субъективных (в т. ч. личных особенностей московских князей и лиц из их окружения) центр исследований смещается на изучение действия исторических закономерностей, продуктом действия которых, согласно Л. В. Черепнину, автору крупнейшего труда в данной области, и явилось Русское централизованное государство²⁵.

¹⁸ Пономарев В. И. Проблема опричины в русской историографии. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Казань, 1946. С. 506, 508—509.

¹⁹ См. Дубровский С. М. Против идеализации деятельности Ивана IV // Вопросы истории. 1954. № 8. С. 121—129.

²⁰ Подробнее см.: Курмачева М. Д. Об оценке деятельности Ивана Грозного // Вопросы истории. 1956. № 9.

²¹ Например, подобный упрек адресовали С. В. Бахрушину издатели его научных трудов А. А. Зимин, Н. В. Устюгов, Л. В. Черепнин и В. И. Шунков (см.: Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 2. М., 1954. С. 353).

²² См. Павлов П. Н. Решающая роль вооруженной борьбы русского народа в 1472—1480 гг. в окончательном освобождении Руси от татарского ига // Ученые записки Красноярского государственного педагогического института. Т. IV. Вып. 1. Красноярск, 1955.

²³ Переоценка взглядов на роль московского самодержца нашло свое отражение в третьем издании Большой советской энциклопедии. Так, в нем статья В. И. Буганова (Т. 10. М., 1972. С. 6—7) посвященная Ивану Грозному почти в три раза меньше уделяет внимания первому русскому царю, чья деятельность оценивается в весьма сдержанном тоне, в отличие от статьи И. А. Короткого, А. М. Сахарова и И. И. Смирнова, во втором издании (Т. 17. М., 1952. С. 266—269).

²⁴ Пашуто В. Т., Флоря Б. Н., Хорошкевич А. Л. Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982. С. 20.

²⁵ См. Черепнин Л. В. Образование русского централизованного государства в XIV—XV веках: Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960.

Подобное смещение акцентов оказало стимулирующее воздействие на историографию. Как следствие этого в отечественной медиевистике появилось множество работ детально рассматривающих ранее слабо изученные стороны политической истории.

Самому пристальному изучению подвергся важнейший элемент московской политической системы — боярство. К его исследованию подошли с самых различных сторон. Так, появляются работы, рассматривающие материальную базу московской аристократии. Среди этих работ следует выделить прежде всего «Исследования ...» С. Б. Веселовского²⁶. Кроме того, самому внимательному рассмотрению начинают подвергаться генеалогические основы московской аристократии. Так, появляется цикл работ М. Е. Бычковой, А. А. Зимина, В. Б. Кобрин и др., рассматривающих основные боярские роды средневековой Руси и московскую знать в целом²⁷.

Стремлению проследить фискальную и имунитетную политику великокняжеской власти историография обязана появлению целого цикла работ С. М. Каштанова, на основе богатейшего актового материала рассмотревшего социально-экономические основания политических реалий XIV—XVI в.²⁸

Исследования 1950 — 70-х г. показали всю сложность и неоднозначность протекавших в позднее средневековье политических процессов. Так, изучение финансовой политики великокняжеской власти в XV—XVI в., предпринятое С. М. Каштановым на основании актовых источников, свидетельствует о неоднозначности шагов правительства в проведении политики, направленной на отмену тарханов крупным землевладельцам. Согласно точке зрения автора, данная политика носила волнообразный характер, который определял амплитуду колебаний тарханной политики государства в данный период. Периоды резкого ограничения привилегий крупных землевладельцев — правление Василия III, реформы Избранной рады и др. — чередовались с постепенным возвращением и даже расширением прав крупных земельных собственников (особенно церкви) — период боярского правления в малолетство Грозного и (!) опричина, которая, следовательно, не носила характер всеобъемлющей борьбы против держателей крупной земельной собственности²⁹.

В ходе исследований 70—80-х г. периоды наибольшей активизации боярского своеволия — малолетства Грозного³⁰ и периода после его смерти — обрели очертания внутрибоярской по преиму-

²⁶ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. Следует уточнить, что основные работы С. Б. Веселовским по политической истории Руси XVI в. были написаны в 30—40-е годы. Однако ситуация тех лет мало благоприятствовала появлению работ, детально рассматривающих вопрос и избавленных от во многом априорных обвинений в адрес московской аристократии. В силу этого вхождение основных работ С. Б. Веселовского в отечественную медиевистику состоялось лишь в 1960-е г.

²⁷ Зимин А. А. Княжеская знать и формирование состава Боярской думы во второй половине XV — первой трети XVI в. // Исторические записки. Т. 103. М., 1979. С. 195 — 240; Он же. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988; Кобрин В. Б. Состав Опричного двора Ивана Грозного // Археографический ежегодник за 1959. М., 1960. С. 16—91; Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969; Бычкова М. Е. Состав класса феодалов России XVI в.: историко-генеалогическое исследование. М., 1986.

²⁸ См. Каштанов С. М. Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI в. М., 1967.; Он же. Финансовая политика периода опричнины // Россия на путях централизации: Сб. ст. М., 1982. С. 77—89; Он же. Итоги финансовой политики в Русском государстве к середине XVI века // История СССР. 1985. № 4. С. 118—136; Он же. Финансы средневековой Руси. М., 1988.

²⁹ Согласно точке зрения автора расширение тарханских прав церкви в период опричнины (так, самые массовые пожалования церкви приходятся на годы самого резкого противостояния Грозного и знати, группировавшейся вокруг Владимира Старицкого) было вызвано попыткой, правда неудачной, привлечения ее на свою сторону в политической борьбе 1560—70-х г. Подробнее см.: Каштанов С. М. Финансы средневековой Руси; Он же. Социально политическая история России и др.

³⁰ См. Смирнов И. И. Очерки социально-политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века. М.; Л., 1958.; Каштанов С. М. Социально политическая история России и др.

шеству борьбы за власть, ведшейся не с монархом, а фактически в его отсутствие (малолетство либо слабоумие)³¹.

Понятно, что взаимоотношения боярства и царя развивались не только в политической сфере. Существенным дополнением этих отношений, их иллюстрацией, были взгляды, высказываемые в общественной мысли конца XV—XVI в. Неудивительно поэтому, что отечественная медиевистика 1940—1970-х г. отмечена появлением многочисленных работ, освещающих развитие русской средневековой общественной мысли³². Господствующим представлением, которое в значительной мере определяло изучения власти царя в средневековой Руси, в работах, принадлежащих к данной историографической традиции, был тезис о социальной обусловленности государства и его институтов (и царской власти прежде всего), в один ряд с которыми фактически помещалась и церковь в силу политизированности ряда ее шагов³³. Понятно, что в русле данной логики и велись изыскания по интересующему нас предмету. Работы представителей рассматриваемой традиции в отечественной историографии по преимуществу носили источниковедческий характер. Это в значительной мере определялось доминирующим представлением о царской власти как об инструменте социального господства определенных общественных групп. Поэтому выяснение автора, его биографии, социального статуса и политических предпочтений, обстоятельств написания сочинений, раскрывающих воззрения современников на власть московского государя, его взаимоотношения со знатью стало приоритетной задачей в конструкции образа царской власти в средневековой Руси³⁴.

Данный подход к изучению идеальной модели поведения русского царя привел к разработке огромного проблемного поля вокруг взаимоотношений царя и боярства. Понятно, что изучение велось путем отнесения воззрений, которые, как полагали исследователи, были характерны для идеологов крепнущей царской власти и представителей феодальной знати. Представление о прогрессивности на данной этапе развития борьбы самодержавной власти с реакционным, как представлялось, боярством также оказывало существенное влияние на трактовку данных проблем. Поэтому изучение представлений о царской власти современников естественным образом шло сквозь призму противостояния

³¹ Юрганов А. Л. Политическая борьба в годы правления Елены Глинской (1533—1538). АКД. М., 1987; Павлов А. П. Правящие слои московского общества; Он же. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584—605). СПб., 1992.

³² Лихачев Д. С. К вопросу о теории русского государства в конце XV и в XVI в. // Исторический журнал. 1944. № 7—8. С. 31—38; Он же. Национальное самосознание Древней Руси. М.; Л., 1945; Будовниц И. У. Русская публицистика XVI в. М., 1947; Лурье Я. С. Первые идеологи московского самодержавия // Ученые записки ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена. Т. 78. Л., 1948. С. 81—106; Он же. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI века. М., 1960.; Клибанов А. И. Реформационные движения в России в XIV — первой половине XVI в. М., 1960; Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники: очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века. М., 1958.; Он же. Античные мотивы в русской публицистике конца XV в. // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе: Сб. ст. М., 1972. С. 128—138; Гольдберг А. Л. Историко-политические идеи русской книжности XVI—XVII вв.: АДД. Л., 1978; Казакова Н. А. Очерки по истории русской общественной мысли (первая треть XVI в.). Л., 1970.; Хорошкевич А. Н. История государственности в публицистике времен централизации // Общество и государство феодальной России. М., 1975. С. 114—124; Золотухина Н. М. Развитие русской средневековой политико-правовой мысли. М., 1985.

³³ Как полагает А. С. Хорошев (Политическая история русской канонизации (XI—XVI вв.). М., 1986. С. 173.), даже такой, казалось бы, сугубо церковный акт, как канонизация, государство использовало в своих интересах, определяя общерусское почитание святых не «внешними признаками» (дар чудотворений, нетленность мощей), а политическими характеристиками т. е. лояльностью и степенью поддержки политики великокняжеской власти кандидатов на членство в пантеоне святых.

³⁴ См. Каштанов С. М. Об идеалистической трактовке некоторых вопросов истории русской политической мысли в зарубежной историографии // Византийский Временник. Т. 11. М., 1956. С. 308—324; Лурье Я. С. Вопрос об идеологических движениях конца XV — начала XVI в. в научной литературе // ТОДРЛ. Т. 15. М.; Л., 1958. С. 131—152; Он же. К изучению классового характера древнерусской литературы // ТОДРЛ. Т. 20. М.; Л., 1964. С. 100—119.

воззрений, приписываемых боярству, «которое цеплялось за старые удельные привилегии и в усилении самодержавной власти видело прямую угрозу своим классовым интересам», и «идеологов молодого, рвавшегося в бой, уверенного в своих силах самодержавия»³⁵. Возможность столь искусственного деления почти всех представителей русской общественной мысли конца XV—VI в. на мыслителей выражавших «прогрессивные» и «реакционные» взгляды, уже в рамках данной историографической традиции вызывала споры. Так, долгое время считавшиеся выразителями интересов боярства Берсень-Беклимецев, Максим Грек, А. М. Курбский³⁶ в более поздних работах обрели очертания сторонников политики централизации, пусть и не столь категоричных, как И. С. Пересветов или Иван Грозный³⁷. Это во многом объяснялось трансформацией представления о самодержавии как о единственно прогрессивной форме политического развития средневековой Руси в сформулированный в историографии 1960—70-х г. тезис о возможности двухвариантного пути эволюции Русского государства по пути как самодержавной, так и сословно представительской монархии³⁸. Таким образом, сама возможность классификации русских публицистов в русле носящей оппозиционный характер схемы «царь и бояре» была поставлена под сомнение, что вело к необходимости поиска новой системы, способной вместить в себя рассматриваемый материал.

Детальное изучение московской знати приводит ряд авторов к заключению об экзистенциальной значимости для нее процессов централизации страны в XIV—XVI в. Изучая хитросплетения политических интриг Большой феодальной войны, С. Б. Веселовский отмечал, что «были какие-то силы, которые помимо московских великих князей работали в пользу объединения Руси и относились враждебно к уделам и к удельным князьям. Одной из таких сил было боярство, верхний слой землевладельческого класса»³⁹. Под пером автора московское боярство, его «обычаи и наследственность службы» обретают очертания той силы, которая позволила «московским великим князьям в XV в. ликвидировать феодальную раздробленность Руси и построить крепко сплоченное мощное государство»⁴⁰.

Логическим развитием работ С. Б. Веселовского в области изучения русской средневековой аристократии стали труды В. Б. Кобрин, который, в 50-е годы придерживаясь традиционного мнения о московском боярстве как о реакционной силе⁴¹, под влиянием привлеченного им богатого материала изменил свою точку зрения. Рассмотрев почти весь русский средневековый актовый материал (около 4 тыс. актов)⁴², Кобрин приходит к заключению об отсутствии непреодолимых противоречий между великокняжеской властью и московской знатью, в т. ч. и титулованной, земельным правам ко-

³⁵ Будовниц И. У. Русская публицистика XVI в. М., 1947. С. 182, 187.

³⁶ Там же.

³⁷ Подробнее см. Зимин А. А. Максим Грек и Василий III в 1525 г. // Византийский временник. Т. 32. М., 1971. С. 75—76; Золотухина Н. М. Развитие русской средневековой политико-правовой мысли. С. 106, 148—149 и др.; Казакова Н. А. Очерки по истории русской общественной мысли; Она же. Максим Грек и идея сословной монархии // Общество и государство феодальной России. М., 1975. С. 151—158 и др.

³⁸ Подробнее см. Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России (изыскания о земской реформе Ивана Грозного). Л., 1969; Черепенин Л. В. К вопросу о складывании сословно-представительской монархии в России XVI в. // Культурные связи народов Восточной Европы. М., 1976. С. 44—58; Он же. Земские соборы Русского государства XVI—XVII вв. М., 1978.

³⁹ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 468.

⁴⁰ Там же. С. 476.

⁴¹ Кобрин В. Б. Экономическое и политическое положение Русского государства в 40—50-х годах XVI в. // Преподавание истории в школе. 1958. № 5. С. 29—38; Он же. Укрепление русского централизованного государства во второй половине XVI в. // Преподавание истории в школе. 1960. № 5. С. 36—47.

⁴² Подробнее о вкладе В. Б. Кобрин в отечественную медиевистику и методах его работы см. Эскин Ю. М., Юрганов А. Л. Штрихи к портрету ученого, источниковеда, генеалога // Кобрин В. Б. Материалы по генеалогии княжеско-боярской аристократии XV—XVI вв. М., 1995. С. 5—15.

торой он посвятил специальную работу⁴³. В своей основной работе, посвященной изучению властных и собственнических отношений в средневековой Руси, автор приходит к выводу о заинтересованности московского боярства в целом в политике централизации и о фактическом слиянии поместного и вотчинного землевладения. Предположение о размывании грани между вотчинным хозяйством, традиционно связываемым с реакционным, как представлялось, боярством, и поместьем, олицетворявшим прогрессивное (для своего времени, разумеется) дворянство, вело к утрате веры в объяснительную способность тезиса об извечном антагонизме боярства и дворянства. Более того, В. Б. Кобрин рисует почти идиллическую картину взаимной заинтересованности боярства и дворянства в укреплении государственной централизации и политики, направленной на расширение поместного землевладения⁴⁴, которая была способна обеспечить землей младших отпрысков боярских родов⁴⁵.

Таким образом, специальные исторические труды, посвященные, как правило, частным сюжетам, — составу Государева двора, Боярской думы, Опричнины или всей московской аристократии в целом (С. Б. Веселовского, А. А. Зимина, В. Б. Кобрин и др.), социальной направленности имунитетной политики великокняжеской власти (С. М. Каштанова) и опричного террора (С. Б. Веселовского, А. А. Зимина, Р. Г. Скрынникова, Д. А. Альшица и др.), биографиям представителей общественной мысли (А. А. Зимина, Н. М. Золотухиной, Н. А. Казаковой, Я. С. Лурье, А. И. Клибанова и др.) и т. д. в корне меняли общую картину — характеризующая данную традицию система взаимоотношений царя и боярства стала во многом утрачивать свой резко оппозиционный характер, на котором во многом и были построены основные работы 1940—50-х г.

Размывание антагонизма государя и знати — как в политической, так и в идейной сферах, характерное для последних десятилетий советской медиевистики, вело к смене отношения к репрессивной политике Ивана IV, поскольку в русле логики рассмотренных выше работ его многочисленные расправы со знатью начинали терять смысл. Так, постепенно нарастал критический подход к политике Ивана Грозного и прежде всего к опричнине. Если в работах 60—70-х годов упреки в адрес Грозного бросаются в основном по отношению к жесткости проводимых им мер, в необходимости которых историки еще не сомневались⁴⁶, то к 1980-м г. ситуация претерпела значительные изменения. В историографии начинает приобретать все возрастающее значение традиция, в советской историографии ведущая свое начало от С. Б. Веселовского, отказывающаяся в рациональном обосновании опричному террору. Так, утрата представлением об извечности антагонизма боярства и самодержавной власти его былой привлекательности поставила вопрос о целесообразности террора в ситуации отсутствия, как казалось ряду историков, серьезных противников политики централизации на Руси. Это естественным образом превращало многочисленные казни Ивана Грозного в лишённые всякого политического смысла кровопролития, что ставило под сомнение целесообразность всей проводимой им (по

⁴³ Кобрин В. Б. Землевладельческие права княжат в XV — первой половине XVI века и процесс централизации Руси // История СССР. 1981. № 4. С. 33—49. В данной работе (С. 48.), автор приходит к выводу о постепенном стирании грани между бывшими уделами и обычными боярщинами.

⁴⁴ Тезис о фактическом отсутствии антагонизма вотчинного и поместного землевладения и представлявших их социальных групп вызвал критические замечания И. П. Ермолаева в рецензии на монографию В. Б. Кобрин, полагающего, что массовые раздачи поместных владений было вызвано «стихийным» стремлением великокняжеской власти к «ограничению экономической независимости отдельных феодальных владений» (Вопросы истории. 1987. № 3. С. 117).

⁴⁵ Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России (XV—XVI вв.). М., 1985. С. 218 и др.

⁴⁶ Такой подход характерен для А. А. Зимина (Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 477—479.), который, порицая «варварские, средневековые методы борьбы», продолжал рассматривать опричнину как «завершающий удар, который был нанесен последним оплотам удельной раздробленности». На сходных позициях стоял в своих ранних работах и Р. Г. Скрынников (Иван Грозный. М., 1975. С. 191; Россия после опричнины (очерки политической и социальной истории). Л., 1975. С. 7.), склонный упрекать Грозного не столько в жестокости по отношению к боярству, сколько в истреблении верных союзников самодержавия — дворян и представителей приказной бюрократии.

крайней мере, в период после отстранения деятелей Избранной Рады от власти) политики. Появляются исследования, склонные к признанию успехов первых лет правления Грозного прежде всего заслугами представителей Избранной рады⁴⁷, к которой в целом благожелательно была настроена и советская историография предшествующих десятилетий⁴⁸. Так, признание заслуг Рады в качестве единственного (или, по крайней мере, основного) источника успехов Русского государства 1550-х г. во многом дискредитировала Ивана Грозного как политика, способного эффективно решать стоящие перед страной проблемы⁴⁹. Удручающий конец его царствования, характеризуемый как ослабление страны в ходе безнадежной Ливонской войны и опричного террора, дал дополнительные аргументы в адрес критиков политики Грозного, которая начинает восприниматься как череда бессмысленных казней полубезумного монарха. Так, печальный итог царствования Ивана IV позволяет охарактеризовать первого русского царя как «жестокого, мятущегося правителя, не желающего считаться с реальными возможностями страны, подорванной ордынским игмом»⁵⁰. Насколько реальна была опасность интерпретации царствования Ивана IV в качестве вереницы злодейств укрепляющего личную власть монарха, показывает появление многочисленных, весьма критично по отношению к Грозному настроенных работ Д. Н. Альшица, В. Б. Кобрин, Р. Г. Скрынникова, А. Л. Юрганова⁵¹.

Итак, отечественная медиевистика, на конкретно-историческом материале опровергнувшая тезис об извечной борьбе прогрессивного (самодержавной власти) и регрессивного (боярства) начал, который долгие годы служил путеводной нитью для исследований в области социально-политической истории, в 80-е—начале 90-х годов XX в. пришла к необходимости изменения подходов в изучении царя в средневековой Руси.

⁴⁷ В последние годы в историографии начинают высказываться сомнения в реальности существования Избранной рады, которая начинает обретать очертания образа желаемого (для А. М. Курбского) и ненавистного (для Грозного) прошлого в знаменитой переписке. Подробнее см.: Филюшкин А. И. История одной мистификации: Иван Грозный и «Избранная рада». М., 1998. Предположение это, как уже было отмечено (см.: Володихин Д. М. Продолжение спора об «Избранной Раде» // Русское Средневековье. 1999 год. Духовный мир. / Отв. ред. Д. М. Володихин. М., 1999. С. 130—132.), нуждается в дополнительной аргументации.

⁴⁸ Советская историография в целом была склонна к признанию заслуг правительства Избранной рады в деле централизации страны, отмечая прогрессивный, хотя и незаконченный характер проводимых ею реформ. См. Бахрушин С. В. Избранная рада; Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. М., 1960.; Курукин И. В. Сильвестр: политическая и культурная деятельность (источники и историография). АҚД. М., 1983; Шмидт С. О. Правительственная деятельность А. Ф. Адашева и восточная политика Русского государства в середине XVI столетия. АҚД. М., 1949 и др.

⁴⁹ Так, согласно мнению ряда исследователей путь реформ, предлагаемый и проводимый Избранной радой представлял большие преимущества по сравнению с излишне поспешными и не всегда продуманными попытками централизации страны Ивана Грозного. См.: Альшиц Д. Н. Первый опыт перестройки государственного аппарата в России (Век шестнадцатый. Реформы Избранной рады) // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 243—251; Кобрин В. Б. Иван Грозный: Избранная рада или опричнина? // История Отечества: люди, идеи, решения. М., 1991. С. 127—162; Юрганов А. Л. У истоков деспотизма // История Отечества: люди, идеи, решения. М., 1991. С. 34—75.

⁵⁰ Пашуто В. Т., Флоря Б. Н., Хорошкевич А. Л. Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. С. 62.

⁵¹ Альшиц Д. А. Начало самодержавия в России. М., 1988; Он же. Первый опыт перестройки государственного аппарата в России; Кобрин В. Б. Иван Грозный. М., 1989; Он же. Иван Грозный: Избранная рада или опричнина? // История Отечества: люди, идеи, решения. М., 1991. С. 127—162.; Кобрин В. Б., Юрганов А. Л. Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси (К постановке проблемы) // История СССР. 1991. № 4 С. 54—64; Скрынников Р. Г. Иван Грозный и его время. М., 1991; Он же. Царство террора. СПб., 1992; Юрганов А. Л. У истоков деспотизма // История Отечества: люди, идеи, решения. М., 1991. С. 34—75.

